

Оглавление

<i>I.</i> Человек в черном	5
<i>II.</i> Собака берет след	14
<i>III.</i> Укус змеи	22
<i>IV.</i> Ожившая сказка	30
<i>V.</i> Вернувшийся мертвец	38
<i>VI.</i> Призрак оставляет след	49
<i>VII.</i> Смерть каллиграфа	58
<i>VIII.</i> Загадки запертой двери	67
<i>IX.</i> Адские зелья	77
<i>X.</i> Закон — что дышло	87
<i>XI.</i> Шесть каламов	96
<i>XII.</i> Путем Шахерезады	107
<i>XIII.</i> Кошелек Сарая	116
<i>XIV.</i> «Книга шарлатана»	126
<i>XV.</i> В тихом омуте	137
<i>XVI.</i> Пепел библиотек	148
<i>XVII.</i> Игра в наиба	158
<i>XVIII.</i> Ночные мысли	166
<i>XIX.</i> Заклинатель змей	177
<i>XX.</i> Китайская бумага	185
<i>XXI.</i> Дом чая	195
<i>XXII.</i> Незримый поединок	205
<i>XXIII.</i> Зверь бежит на ловца	215
<i>XXIV.</i> Разговоры о вере	225
<i>XXV.</i> Куда потянулась бечевка	236
<i>XXVI.</i> Нарисованное сокровище	247

XXVII. Грохот пустого котла	258
XXVIII. Бессмертный Кощей	271
XXIX. Восполнения и противопоставления	283
XXX. Ненадежный союзник	293
XXXI. Рука рисовальщика	302
XXXII. История эмира	312
XXXIII. Рассказ о четвертом брате	322
XXXIV. Зловещие тени	335
XXXV. Наследие Старца Горы	346
XXXVI. Дела давно минувших дней	358
XXXVII. Ковер-самолет	369
XXXVIII. Ливийская волшебница	382
XXXIX. Забытый чародей	392
XL. Чертог теней	405
XLI. Шахматы на доске жизни	414
XLII. Волк, козел и капуста	426
<i>От автора</i>	441

Книги имеют свою судьбу.
Теренциан Мавр.
О буквах, слогах и размерах

I

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ

Кричали петухи в тихом рассвете. Медленно занималось весеннее нежное утро. За рекой еще угасала ночь, и в небесной синеве таяли последние звезды. Но кто смотрит туда в такое время? Все живое неизменно поворачивается к солнцу, потому и зовется тот край закатными странами. К ним обращается взор вечерней порой, вослед уходящему дню. Сейчас там, в заречных далях, тонет ночь.

Лик человеческий поворачивается к востоку, где над пустыней неспешно разливается заря. Нежной перламутровой полосой неумолимо отделяет она бледнеющую голубую высь от холодных сумерек замершей перед пробуждением земли.

Молочник Эталмас тоже смотрел на восток. Как цветок неизменно поворачивается к солнцу, так и человек, сам того не замечая, обращает свое лицо к свету. Так устроен мир. Разве что человек, привыкший иметь дело с маслом и катыком, сравнил бы небо скорее не с перламутром, а с топленным молоком.

Пустынная дорога, по которой бодро вышагивал старый Эталмас, тянулась вдоль реки на север, но кто же будет

смотреть в сторону полуночи, когда восходит солнце? Тем более когда идешь один в предрассветной тишине. На обратном пути станет веселее. Дорога наполнится повозками, всадниками, пешеходами, и никому нужды не будет вертеть головой в сторону реки или пустыни. Да и что там увидишь при свете дня? Даже суеты и той нет. Вода, песок и вечное небо.

Чего же сейчас ищет среди спящих холмов взор одинокого путника? Он обращается к небу. К собственной душе.

Даже песня не идет в грудь в эту молчаливую пору. Кому заблагорассудится горланить посреди этой пронзительной тишины, когда даже шаги мула по пыльной дороге отдаются далеко-далеко?

Эталмас спешил. Вот-вот донесутся призывы азанчи с минаретов Богохранимого Сарая и начнется новый день. Нужно успеть добраться до молочной лавки на большом базаре, куда уже который год каждый день ни свет ни заря старый кипчак отвозил вечерний и утренний удои. Утренний в кувшинах, вечерний в бурдюках. Ради утреннего он и поднимался в такую рань. Свежее молоко прямо из лавки отправлялось к покупателям за неплохую цену. Чуть замешкаешься, не дай бог потом свернется при кипячении и оставит какого-нибудь уважаемого и небедного человека без привычных лакомств, которые можно приготовить только из свежего молока. А за что, спрашивается, он платит хорошие деньги?

Вот и спешит в предутренних сумерках по пустынной дороге неутомимый Эталмас.

Его уже частенько называют старым. Это хорошо. Жизнь дается каждому, старость — тем, кому повезло. Молочник уже дожил до внуков.

I. ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ

Быстро летит время. Кажется, вот только что он, маленький мальчишка, был привезен в город Сарай, который тогда был еще совсем невелик, да и Богохранимым звался редко, а уже минуло четверть века. Или, пожалуй, чуть больше.

Тогда в степи было голодное время. То неурочные холода, то бесконечные дожди. Погибал скот, родители продавали своих детей, чтобы хоть так уберечь их от смерти. Продавали за бесценок, чтобы с рук сбыть. Словно вороны на падаль, слетались стервятники в человеческом обличье.

Купленных в степи детей они везли на продажу генуэзским купцам. Вообще-то всех людей из закатных стран обычно называли франками. Или фрягами. Но тогда почему-то запомнились именно генуэзцы. Они грузили купленный по дешевке живой товар на большие корабли и увозили куда-то за море.

Тогда и попал в Сарай совсем еще юный Эталмас. Его с другими такими же невольниками поместили в охраняемом дворе, откуда должны были, словно скот, погрузить на корабль. Однако на скрижалях судьбы было начертано иное. Хан Тохта прогневался на то, что чужеземцы без его ведома скупают детей в степных Улусах. Да еще продают их персидским ильханам, с которыми он в ту пору крепко не ладил. В один прекрасный день во двор, где томились невольники, пришли суровые ханские нукеры и увели дрожащего хозяина с веревкой на шее. Многие из его слуг разбежались. Эталмас сам видел на пристани, как на большом корабле франков поднимали знамя с ханской тамгой.

С тех пор много воды утекло в великой реке. Та пристань разрослась, обстроилась складами, конторами, караулками. Каждое лето приходят туда сотни судов из-за

Бакинского моря и потом уходят обратно. Теперь пристань называется Красной. Так повелось у монголов. Красный у них юг. Запад — белый, восток — синий. Север, куда сейчас уходила дорога под ногами молочника, — черный. Наверное, правильно. Как еще именовать полуночные страны, которые ученые мужи зовут Страной Мрака?

Близ Красной пристани выросло несколько кварталов. Черкесский, яский. Отдельный квартал, куда на лето приезжают из-за моря арабские купцы из обоих Ираков. Он единственный в Сарая обнесен крепкой стеной, потому что на зиму его обитатели уезжают, оставив лишь склады и сторожей.

Здесь тоже есть свои базары и молочные лавки. Но путь Эталмаса лежит дальше, на большой базар. Охотников до свежего молока, согласных платить за него хорошие деньги, не так уж много, и живут они обычно ближе к ханскому дворцу. Теперь уже, наверное, правильно говорить — бывшему ханскому дворцу. В прошлом году хан Узбек, да продлится его царствование, построил себе новую столицу, выше по реке. Туда переселились и многие его приближенные.

К счастью, парного молока покупать меньше не стали. Хозяин лавки объяснил это так. Разные эмиры и вельможи и раньше среди покупателей не числились. У них собственные угодья вблизи Сарая. Пастбища, покосы. Множество слуг. Так что молока своего у них хоть залейся. А в лавках его товар брали больше те, кому скотом заниматься было не с руки. Купцы, ремесленники. У многих ведь в городских дворах едва хватало места, чтобы лошадь поставить. А у иных и того не было. Им сподручней молоко покупать в лавке.

I. ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ

Что ж. На то он и город. В мясных лавках ведь тоже цена на ритль мяса доходит иной раз до двух даньгов. А совсем недалеко в степи можно целого барана купить почти за те же деньги. Там все по-другому.

Эталмас вспомнил свое далекое детство и улыбнулся. Сказал бы кто тогда в степи пастухам, что можно молоком торговать! Посмеялись бы. Сказали — иди еще зимой снегом поторгуй. Там даже мясо продавать некому. Режет человек барана, если за несколько дней не съест, испортится. Вот и угощает всех соседей. Потом они режут — его угощают. А молоко? Творогу у всех было невпроворот. Сушили. Кто мог, подсаливал.

В городе всему находится сбыт. За хорошую цену. Пройдись-ка по лавкам! Одного съестного столько, что перечислять будешь до полудня. Тут тебе и сушеный урюк из-за Бакинского моря, и изюм, и айва. Драгоценный чай, дарующий бодрость, из совсем уже дальних краев. Спроси орехов: тебе сразу — каких? Миндаль, фисташки, греческие или фундук? В мясной лавке тоже просто мясо не спросишь. Тебе молодого, старого? Ногу, лопатку, шею, ребра? Да и в молочной лавке такая же история. Эталмасу повезло — есть спрос на парное молоко, а вечерний удой хозяин берет на каймак. Затапливает его на медленном огне и ставит в холод. С самого утра на продажу. Много желающих купить и поесть на завтрак с горячей лепешкой.

Нехитрое на первый взгляд дело, но только для несведущего человека. Дров нужно много, а они в Сарае дороги. Так что, если нет своей руки на Булгарской пристани, где торгуют лесом и можно брать по сходной цене всякую щепу, то овчинка не будет выделки стоить. Еще нужен хороший ледник. Глубокий-преглубокий погреб, который с

зимы набивают льдом. Тоже дело хлопотное. Места много требуется, да и город не степь. Лед приходится привозить. Опять расход.

Сам Эталмас в молочники тоже не вдруг пробился. После изгнания генуэзцев его отдали одному знатному человеку. Тот определил мальчика за скотом ухаживать. Имелись у него свои луга близ Сарая, вдоль реки. Тогда еще с этим проще было — город только начал разрастаться. Скота полно, молоко девать некуда. Через несколько лет, когда уже при хане Узбеке Сарай стал быстро пополняться приезжим народом, появился покупатель, который приезжал за молоком. Эталмас тогда договорился с приказчиком, чтобы взять коров на оброк. Тому это понравилось. Никакой головной боли, знай себе получай раз в год деньги. Эталмас не возражал бы платить и чаще, но управитель был рад избавиться от лишних хлопот.

Со временем ловкий кипчак сообразил, что не только сочные заливные луга годятся, чтобы коров кормить. Молодая зелень из ничейных кустов вдоль реки ничем не хуже. Да и сено можно покупать — стали привозить по реке на продажу. Так Эталмас совсем ушел на вольные хлеба. Стал совсем сам себе хозяин. Теперь торговал только молоком. Каждое утро отвозил в лавку. Туда пешком, с парой груженных мулов на поводу. Обрато налегке с деньгами и базарными покупками.

Сегодня с ним увязался любимый пес. Эталмас с детства любил собак. Это у него из степи. Там собака — верный помощник. Сторож. Без нее не убережешь скота, потому так ценятся хорошие волкодавы. Это здесь в городе ученые муллы могут твердить, что собака — нечистое животное. Люди, живущие за глиняными стенами, плохо понимают людей,

I. ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ

живущих за войлочными. Было время, когда ханы так и делили своих подданных. Больше всего ценили тех, кто за войлочными. Не мудрено. Сами ханы тоже были из них.

Это теперь настроили дворцов из кирпича. В дедовские юрты отправляются только на лето. Сам хан Узбек теперь султан, защитник веры арабов. Богохранимый Сарай просыпается и засыпает под голоса азанчи с многочисленных мечетей. Новая вера принесла с собой новую силу — силу денег. Силу, перед которой склонились отважные воины из привольной степи. Из-за войлочных стен.

Вот и Эталмас живет сейчас в кирпичном доме. Дай ему лук — с десяти шагов ишаку в задницу не попадет. А ведь было время — птицу на лету бил. В городе это умение ни к чему.

Сторожевые псы здесь тоже больше для лая. Чтобы чужих встречать. Волков в окрестностях Сарая немного, да и те людей боятся больше, чем люди их.

Эталмас держал небольшого, но крепкого пса бледного окраса. Подобрал щенком прямо на городской улице. В отличие от тех, кто считал, что собака должна искать пропитание сама, хорошо кормил, благо лишнего молока и творога хватало. Пес платил хозяину самой преданной любовью. Ни на шаг не отходил. Вот и теперь увязался с ним в город. Вроде охраны.

Хотя какая охрана? В державе славного хана Узбека правят закон и порядок. Эталмас даже кинжал с собой не берет, только небольшой нож, которым писцы калам очиняют. Хоть и возвращается обратно с кошельком денег. Страшно даже подумать, что какой-нибудь несчастный осмелится напасть на путника в фарсах от городской стражи. Поэтому, когда пес тревожно заскулил, молочник удивился.